ТЫ МОЙ МАЯК

Натали LaRoche

Ты мой маяк

«Автор»
2026

LaRoche H.

Ты мой маяк / H. LaRoche — «Автор», 2026

Обычная женщина пишет фэнтези-роман о дворцовых интригах, заговоре против императора, демонах и девушке, оказавшейся в центре опасных событий.Но постепенно вымысел перестаёт оставаться на страницах. Странные совпадения, тревожные знаки и найденный амулет подтверждают: события её книги начинают воплощаться в реальной жизни.Героиня оказывается на пути, которого не выбирала. Чтобы защитить сына и близких, ей предстоит разгадать тайну Жатвы — древней силы, которая собирает свою дань, — и попытаться изменить финал истории, которую она сама написала.В романе переплетаются современность и фэнтези, тайны прошлого и дворцовые интриги, материнская любовь, дружба, предательство и выбор между спасением близких и спасением мира.

© LaRoche H., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Темная империя 5
Глава 1. Сон. 8
Интерлюдия Мир 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Натали LaRoche
Ты мой маяк

Пролог. Темная империя

Темная империя.

Эти бесконечные, проклятые коридоры. Каждый раз они словно тянутся дольше, чем в прошлый, и каждый раз он мчится по ним сломя голову, чувствуя, как драгоценные минуты утекают сквозь пальцы. «Черт, черт, черт!» — мысль пульсировала в висках в такт его бегу. Он катастрофически опаздывал, к самому опасному существу во всей империи. Темный император не будет ждать, а просто при его появлении превратит в пепел.

Как же он ненавидел эти коридоры! Вечный полумрак, холодный камень, от которого тянуло сыростью и вековой плесенью, и этот запах — терпкий, металлический, въевшийся в стены за сотни лет правления тиранов. Ледяной пот, выступивший на лбу, противно щипал глаза и смешивался с грязью на лице, когда Вергар, потеряв последние крохи достоинства, вылетел из последнего поворота и влетел в распахнутые створки тронного зала.

Ноги, словно сговорившись против него, предательски заплелись в длинном плаще. Он споткнулся о собственный подол — нелепо, по-детски, отчаянно взмахнул руками, пытался поймать равновесие, но было поздно. Мир перевернулся в глазах: высокие своды зала мелькнули где-то внизу, а мраморный пол стремительно приблизился, и не сдержав сдавленного вскрика, кубарем вкатился в центр зала, больно ударившись плечом о холодный камень. Свиток, который он сжимал в потной ладони, вырвался из пальцев и улетел куда-то в сторону, расписываясь в воздухе неровной белой дугой.

Сердце колотилось где-то в горле, в ушах звенело от удара, перед глазами всё еще плыло. До массивного черного трона, на котором с минуты на минуту должен был появиться повелитель, оставалось всего ничего — каких-то двадцать шагов. Двадцать шагов до спасения или до гибели. карлик, чертыхаясь сквозь зубы, попытался вскочить, опираясь на ушибленную ладонь, но не успел.

Путь ему преградил сапог капитана — огромный, грязный, с подошвой, усеянной стальными заклепками. Подняв взгляд, уперся носом прямо в эту гору бронированной плоти и замер как вкопанный.

— Куда ж ты так торопишься, мой маленький друг? — пророкотал верзила, и этот низкий, вибрирующий голос разнесся по пустому залу, отражаясь от высоких сводов. Капитан наклонил голову, сверху вниз разглядывая карлика с той же брезгливой усмешкой, с какой кот разглядывает забившуюся в угол мышь. — Неужто тебе надоела твоя маленькая голова? Я слышал, император сегодня не в духе. Он любит начинать расправу с самых мелких.

Вергар взвизгнул от унижения, когда его оторвали от пола, словно пушинку. Воздух со свистом вырвался из легких, ноги беспомощно заболтались в пустоте. Капитан слегка тряхнул его, как нашкодившего щенка, и с глухим стуком поставил обратно, но руку с плеча не убрал — придавил, приковывая к месту.

Карлик уже открыл рот, чтобы выплюнуть едкое замечание относительно нечищеных сапог этого наглого солдафона и его сомнительного происхождения, но в ту же секунду слова застряли у него в глотке.

Воздух сгустился. Стал вязким, тяжелым, будто его заменили свинцом. Тусклый свет факелов, который и так едва разгонял сумрак тронного зала, начал меркнуть неестественно быстро, съеживаясь до крошечных дрожащих точек. Тени поползли к трону, сворачиваясь в клубок, и повисла та абсолютная, ледяная тишина, которая бывает только перед самым страш-

ным громом. Император не появлялся — он проявлялся из тьмы, сотканный из холода и безмолвия.

Затаив дыхание, они оба обернулись к трону. Вергар почувствовал, как воздух застрял в легких, не желая выходить обратно, а сердце пропустило удар и забилось где-то в горле, мешая дышать. Капитан рядом — тоже замер, его массивная фигура вдруг показалась неподвижной статуей.

Из тьмы капюшона на них смотрели два горящих глаза. Никто не видел лица — только этот жуткий огонь, пляшущий где-то в глубине черного провала, и чувствовал, как этот взгляд ощупывает его, проникает под кожу, выворачивает душу наизнанку.

Император. Собственной персоны.

Мысль ударила Вергара под дых, заставила съежиться, вжаться в плечи, стать как можно меньше и незаметнее. Он буквально физически ощущал, как каждый мускул его тела напрягся до дрожи, а пот на спине превратился в ледяные ручейки. Под взглядом этих опасных, прожигающих насквозь глаз он чувствовал себя букашкой, которую вот-вот раздавят, даже не заметив.

Рядом с ним капитан стоял как ни в чем не бывало. Вергар покосился на него и едва не заскрежетал зубами от злости: этот верзила даже не дрогнул, плечи расправлены, взгляд устремлен вперед с почти вызывающей наглостью. Он как будто совсем не боялся. Или делал вид, что не боится. В любом случае, это бесило Вергара до скрежета в челюсти.

Тишина затянулась. Тягучая, липкая, давящая на уши. Вергар слышал только собственное дыхание — прерывистое, слишком громкое в этой гнетущей пустоте, — и где-то вдалеке мерный стук собственного сердца.

— Ну что, — раздался глухой, тихий, но режущий по ушам шепот. — Когда я уже получу то, что вы мне обещаете? Этот демон, почему он тянет? Говори, капитан, что ты узнал?

Каждое слово императора врезалось в сознание, как раскаленные иглы. Он вздрогнул, когда шепот стих, но эхо его всё еще висело в воздухе, заставляя стены дрожать. Вергар перевел дыхание, краем глаза покосился на Рейнара и увидел, как тот медленно, с нарочитой неспешностью, разжал пальцы, отпуская его плечо, и сделал шаг вперед. Сапог капитана с глухим стуком коснулся мрамора, и он выпрямился во весь свой богатырский рост, глядя прямо в эти горящие глаза.

— О Вашество, — затараторил Вергар, торопливо сгибаясь в низком, почти до самого пола поклоне и пряча дрожащие руки в глубокие рукава плаща. Пальцы его судорожно вцепились в подкладку, будто ища там спасения. — Еще есть время! Он собирает самый чистый луш, все в восторге! Давно такого не было!

Он выпалил это на одном дыхании, чувствуя, как слова путаются, сбиваются и вылетают быстрее, чем он успевает их обдумывать. Голос его дрожал, но он старался говорить как можно более убедительно, надеясь, что эта новость смягчит гнев императора. Сейчас это было единственное, что могло его спасти.

Огоньки в глазах императора качнулись в сторону Вергара, и на мгновение карлику показалось, что ледяной ветер коснулся его лица. Шепот раздался снова, но теперь в нем звучала сталь, от которой кровь стыла в жилах:

— Я не тебя спрашиваю. — Голос императора, казалось, стал еще тише, но от этого только острее, больнее резал по ушам. — Твое время еще придет.

Вергар сглотнул, почувствовав, как внутри все оборвалось. Слова императора ударили его сильнее любой пощечины. Огненные глаза переместились на капитана, и в тишине повисло ожидание. Император ждал. И от этого ожидания воздух в зале стал гуще, плотнее, тяжелее.

— Говори, капитан, — зашипел император. Это слово — «зашипел» — Вергар услышал кожей: оно было негромким, но в нем чувствовалась такая ярость, такое нетерпение, что у карлика заложило уши.

Рейнар выдержал паузу. Вергар покосился на него и увидел, как тот медленно перевел дыхание, словно собираясь с мыслями. Капитан стоял неподвижно, только пальцы его левой руки слегка постукивали по набедренной пластине доспеха — единственный признак того, что он тоже ощущает всю тяжесть момента.

— Что сказать, — проговорил Рейнар негромко, но твердо, и в голосе его послышались нотки деловитого спокойствия, будто он докладывал о погоде или о поставках провианта. — Этот гнус прав. Сектор оказался очень даже спелый.

Он бросил короткий взгляд на Вергара — без злобы, без презрения, скорее оценивающий, изучающий. И продолжил, чуть наклонив голову:

— Кай знает, что делает. Это не первая его миссия. Сборщики докладывают, что урожай будет богатый. Если все пойдет по план, скоро закончим.

Рейнар умолк, и в наступившей тишине слышно было только, как где-то далеко, в недрах корабля - дворца, мерно капает вода. Вергар стоял не дыша, боясь шелохнуться, ожидая вердикта. Он чувствовал, как капли пота стекают по виску и пропадают за воротником, и в голове билась одна мысль: «Луш… самый чистый луш… неужели это спасет мою шкуру?»

Какое-то время они смотрели друг на друга молча — один с высоты, другой из-под опущенных ресниц. О чем думал каждый в этот момент, сказать сложно, но точку поставил капитан, развернувшись и тяжело вздохнув. Капитан слегка поежился, в отличие от Вергара, который откровенно уже дрожал. Холод, который пронизывал все вокруг, был невыносимым — стены покрывались инеем, тонкие белые узоры расползались по черному мрамору, ветвились, покрывали колонны, спускались к полу, где уже появилась тонкая ледяная пленка. Воздух звенел, морозный и колючий, и каждый вдох отдавался в легких болью.

Император был недоволен.

— Хватит! Мне нужен он здесь. Ты возвращаешься завтра и этого, — легким кивком головы он указал на карлика, — берешь с собой. Терция. И все должно быть кончено.

Голос императора прозвучал властно и резко, от его слов по залу пробежал холодок, а эхо еще долго витало под высокими сводами. Вергар вздрогнул, услышав приказ, но не посмел поднять глаз. Срок, который давал император. Вергар знал, что это означает приговор: либо успеешь, либо простишься с жизнью.

Мертвая тишина и темнота окутали тронный зал. Свет факелов погас, будто их задули невидимой рукой, и на мгновение — или на вечность — все вокруг погрузилось в непроглядный мрак. Когда факелы опять вспыхнули, их живое, желтое пламя дрогнуло, разгоняя тьму, трон был пуст. Император исчез, растворился в той самой тьме, из которой появился, оставив после себя только холод, сырость и тяжелое чувство неизбежности.

Рейнар тяжелой поступью, впечатывая каждый шаг, громко вышел из зала в темный провал коридора.

Вергар остался один. Наконец-то он вдохнул полной грудью, с наслаждением, с жадностью, будто воздух был единственным спасением. И расправился — медленно, плечи опустились, спина выпрямилась, будто сбросил с себя невидимый, но невыносимо тяжелый груз.

Он перевел дыхание и лихорадочно обвел взглядом зал, ища глазами свиток Тот самый, который вылетел из его рук, когда он кубарем вкатился в тронный зал. Вергар шарил взглядом по полу — у колонн, у ступеней трона, у самых дверей, — но свитка нигде не было. Он пропал. Исчез. Будто его и не существовало вовсе. Он обшарил складки и корманы плаща, нащупал металический предмет, откуда он появился пронеслось в голове.

Вергар стоял в тишине опустевшего зала, чувствуя, как иней на стенах медленно тает, превращаясь в капли, и где-то далеко, в темноте коридора, затихают шаги капитана.

Он сорвался с места, сломя голову, сжимая в руке неизвестную вещь на которую даже боялся взглянуть, стремясь успеть к кораблю, пока капитан не отчалил без него. В ушах всё еще звенел грубый окрик Рейнара, брошенный через плечо перед уходом: «Не задерживайся».

Глава 1. Сон.

Земля

Сначала я не поняла, где оказалась.

Было тихо. Так тихо, что я слышала собственный пульс — глухой, ровный, как шаги в пустом коридоре. А потом увидела иллюминатор — круглый, во всю стену, и за ним пустоту. Ни космос, ни ночь. Просто отсутствие всего. Глаза отказывались фокусироваться, потому что там не на чем было задержаться.

Перевела взгляд. На возвышении стоял мужчина. Спиной ко мне. Руки за спиной, плечи широкие, тёмные длинные волосы, осанка прямая — слишком прямая, тёмная одежда. Он не шевелился. Даже плечи не поднимались от дыхания. Смотрела на него, и казалось, что он статуя или просто чёрный силуэт, но от этого силуэта шло тепло, от которого хотелось подойти ближе, — и холод, от которого хотелось отступить.

Пошла. Медленно. Босиком, хотя секунду назад, кажется, была в обуви. Пол был холодным и гладким, как стекло. Каждый шаг отдавался вибрацией — или это моё собственное сердце отдавалось в ступнях.

Я попыталась его окликнуть, но звук как будто застрял в горле, даже шёпота не сорвалось с губ. Попыталась ещё раз — ничего. И в этот момент раздался звук. Резкий, металлический. У самого уха. Вздрогнула, и воздух вокруг меня стал плотным, как вода. Уши заложило, и я услышала только собственное дыхание. Он начал оборачиваться. Плечо дрогнуло, медленно.

Увидеть лица не успела.

Звонок будильника разорвал сон, как бритва. Глаза открылись.

Опять... Вот уже пару месяцев меня преследуют похожие сны, в которых появляется мужчина, только непонятно, один и тот же или нет, потому что ощущения и эмоции всегда разные. Пару раз я видела его отражение в иллюминаторе и точно заметила шрам на лице.

В комнате было темно, шторы не пропускали света, и несколько секунд я не понимала, где нахожусь — там, за иллюминатором, или здесь. Потом пальцы нащупали край одеяла. Реальность вернулась.

Вставать не хотелось, полежала ещё немного. Слушала, как успокаивается сердце. Как где-то внизу дворник гремит мусорными баками. Как на кухне капает кран — раз, два, три. Я знала этот ритм. Знала каждую трещину на потолке, что сейчас надо встать, потому что если не встать, пролежу так до обеда, а это могла себе позволить только в выходной.

— Ну что, доброе утро, — сказала я в потолок.

На ходу надевая тёмно-синий халат в клетку с оторванной пуговицей, я медленно пошла в ванную. Включив свет, открыла дверь, посмотрела в зеркало над раковиной. «Не самое приятное зрелище с утра», — пронеслось мимолётно в голове. Из отражения на меня смотрела женщина явно за сорок. С полосками на лбу, поплывшим овалом, складкой серьёзности на переносице и наполовину седой шевелюрой. Синяки под глазами и тонкая кожа век выдавали возраст. Зеркала я не любила: внутренний образ не совпадал с тем, что демонстрировало зеркало. Поэтому любимая фраза:

— Заткнись, мне надо умыться!

Всегда сопровождала этот утренний ритуал: чистить зубы, умываться и идти готовить завтрак — обычно яичницу или омлет с тем, что есть в холодильнике: иногда помидоры, иногда лук, творог. И кофе. Без кофе день не начинался — если с утра не было кофе, можно было считать это катастрофой. Обязательно с молоком, из старой фарфоровой, бабушкиной кружки ленинградского завода с небольшим сколом, с популярной когда-то кобальтовой сеткой.

Как обычно, я достала банку кофе, взяла ложку и медленно повернулась к окну. Ещё было темно — и я замерла. Сон, который видела сегодня, та же пустота, так ярко встал перед

глазами, что руки похолодели. Я пыталась вспомнить мужчину: увидела в этот раз лицо или нет? Что-то в нём показалось знакомым — но мысль ускользнула, не задержавшись. Закипел чайник, запищал гриль — всё растворилось.

После завтрака надо было одеваться и начинать рабочий день. Даже находясь на удалёнке, когда можно расслабиться и ходить в чём придётся, я старалась соблюдать видимость рабочего процесса: переодевалась в рабочий прикид, делала скромный мейк. Хотела быть готовой к любой ситуации — вдруг надо будет включить веб-камеру на общем собрании.

Я села за стол, перед ноутбуком. Включила. Экран засветился, и я уже привычно потянулась к мыши, чтобы открыть почту, — но замерла.

На заставке была картинка. Не та, что стояла у меня обычно, не абстрактные разводы и не горный пейзаж, который я скачала год назад и никогда не меняла. Другая.

Темнота. И в ней — космический корабль. Станция у Земли. Огромная, серая, с панелями, которые ловили тусклый свет далёкой звезды. А внизу, под станцией, — планета. Сине-белая, живая, но далёкая. И на этом снимке было что-то до боли знакомое. Что-то, что я видела только что. Во сне.

Иллюминатор. Пустота за ним. А теперь — этот корабль. Эта станция.

Смотрела на экран, не дыша. Пальцы застыли над клавиатурой. Мысль была простая и чёткая, как удар: я никогда не ставила эту картинку. Я её вообще впервые вижу.

Протянула руку к экрану, коснулась пальцами угла монитора, как будто хотела проверить, не исчезнет ли изображение. Оно не исчезло. Планета и станция висели в чёрной пустоте, неподвижные, реальные. Слишком реальные.

— Что за... — прошептала я одними губами.

Я попыталась вспомнить, когда в последний раз меняла заставку. Месяц назад? Два? Я вообще не помнила, чтобы её меняла. Это был просто фон, на который я не обращала внимания, потому что ноутбук включался, открывалась почта, и начинался рабочий день.

Сегодня картинка смотрела на меня. И в этой картинке была та же пустота, что и во сне.

— Почему этот дурацкий сон преследует меня? Всё, стопэ, надо работать.

Сказано, сделано. Я щёлкнула мышкой — окно исчезло. Рабочий стол загрузился как обычно: папки, иконки, почта. Я ещё смотрела на пустой экран, и под рёбрами сидело тянущее «что-то не так». Открыла первое письмо, прочитала, не вникая, ответила механически. Второе. Третье. И действительно — рабочий процесс, созвоны с коллегами, собрания. Звонки клиентам отвлекли от тревожных мыслей.

До обеда оставалось несколько минут. Встав из-за стола, я двинулась на кухню — пора поставить разогреваться вчерашний ужин. Обычно я готовила на три дня вперёд, если не успевала — тогда с вечера.

Достала из холодильника рагу с курицей, поставила в микроволновку, помыла овощи и начала резать салат. Огурцы, помидоры, зелень, оливковое масло — такой я могла есть каждый день.

Пока готовила, обычно включала что-нибудь на ютубе. В этот раз попался конспирологический ролик. Я почти не слушала, только уловила что-то об огромной комете, которая будто бы зависла возле Земли и вела себя совсем не так, как положено кометам. Космос меня не интересовал, и я переключила видео.

Симпатичная девушка рассказывала о жизни и экскурсиях во Франции. картинки сменяли друг друг. То за её спиной тянулись узкие улочки, потом появились море, залитая солнцем набережная. Потом Версаль с его помпезными садами и фонтанами. Замки сменялись, крсивыми пейзажами. Я невольно улыбнулась. Вот бы побывать там. Хотя бы неделю пожить без спешки.

На мгновение мне показалось, что я знаю эту набережную. Сейчас камера повернётся — и за углом откроется что-то знакомое. Появяться люди в одеждах времен регенства прогуливающиеся вдоль благоухающих алей.Я даже перестала резать.

Но девушка уже заговорила о стоимости экскурсии и как ее найти в инстаграмм, и ощущение исчезло.

Наверное, просто напомнило что-то из прочитанного. В двадцать лет я глотала исторические любовные романы один за другим, представляла себя на месте героинь, а потом ещё долго придумывала, как могла бы сложиться их жизнь после последней страницы.

Когда-то мне захотелось написать и свою книгу. Я даже начала, но продвигалась урывками. Отдельные сцены, разговоры, лица приходили в голову обычно в самый неподходящий момент, когда записывать было некогда. Я обещала себе вернуться к ним вечером, а вечером уже ничего не хотелось.

Микроволновка пискнула. Я отложила нож и достала тарелку.

У книжных героинь жизнь, конечно, тоже бывала непростой. Но за их неприятностями хотя бы следовало что-нибудь необыкновенное. В моей жизни были работа, двое детей-подростков и бывший муж с непобедимой тягой к крепким напиткам — и не только к ним. Мы развелись десять лет назад, но окончательно исчезнуть из моей жизни он так и не сумел. Нигде не устроившись, жил с сыном. Дочь жила с моей пожилой матерью: из нас всех только внучка умела с ней уживаться. А я снимала квартиру неподалёку, чтобы быть рядом с детьми и чаще их видеть. Вот к ним моя любовь действительно была безграничной.

После обеда работы было немного, и мне очень хотелось продолжить писать то, что постоянно крутилось в голове. Налив крепкого чайку и поставив хрустальную вазочку с любимыми конфетами «Красный мак» — с ними процесс шёл куда лучше, — я принялась за писательский труд.

Не успела я погрузиться в воспоминания, как стук в дверь отвлёк меня.

— Кто там?

— Мам, открывай, медведь пришёл! — пробасил девичий голос.

Я улыбнулась, щёлкнула замком.

— Привет!

Обнимая меня и скидывая кроссовки, дочь сразу отправилась на кухню.

— Я к тебе прям с колледжа. Есть что поесть? — спросила она, нырнув в холодильник.

— У тебя тут ничего нет!

— Есть курица и салат.

— Фу.

— Йогурт.

— Тоже не то.

Маша закрыла холодильник, скривила рожицу и плюхнулась на стул.

— Ты придешь к нам в субботу или в воскресенье? Бабушка ждёт.

— Не знаю. Много работы. Хочу доделать проект.

Ответила я, немного поколебавшись. Хотелось остаться дома и отдохнуть, просто ничего не делая. Но я понимала, что родным необходимо моё внимание. Особенно дочери, с которой в последнее время виделась редко.

— А ещё ты обещала съездить со мной за сумкой...

Она встала и пошла в комнату. Подойдя к столу, конечно, заметила вазочку с конфетами в красной обёртке. Взяла и, развернув, немедля закинула в рот. Присела на край стола.

— Мммм или ты хочешь отдохнуть? Я тогда поеду с подругой.

— И опять купишь какую-нибудь фигню? Тебе нужна сумка для колледжа. Вместительная, чтобы можно было положить что-то...

Маша посмотрела на меня внимательно, но ничего не сказала. Спрыгнула со стола.

— Ладно, всё, я побежала. Бабушка ждёт.

Прихватив пару конфет, она пошла в коридор. Я пошла за ней. Крепко обняв, сказала, что очень люблю. Она чмокнула меня в щёку, натянула кроссовки и, помахав рукой, закрыла дверь.

Я вернулась в комнату. На телефоне был пропущенный по работе. Перезвонила, уточнила последние правки и ещё почти час провозилась с проектом.

Когда закончила, за окном уже стемнело. Можно было закрыть ноутбук, но я снова открыла документ с книгой. Курсор мигал там, где меня прервала Маша.

Перечитала последние строки, пытаясь поймать ускользнувшую мысль. Потом включила программу для диктовки. Иногда говорить было проще, чем печатать: пока подбираешь слова, отвлекаешься на опечатки — и всё рассыпается.

Сначала я запиналась, исправляла себя, замолкала. Потом перестала смотреть на экран. Перед глазами уже была не моя комната. Я видела место, о котором рассказывала, знала, где падает свет и кто сейчас заговорит.

Слова приходили сами, и я старалась не останавливаться. Стоило задуматься, откуда мне известны все эти подробности, — и я наверняка потеряла бы нить.

Интерлюдия Мир

Я проснулась от острой боли — такой, будто кто-то вонзил иглу прямо в центр груди, туда, где билась живая нить мира. Сев на постели, прижала ладонь к груди и оглянулась. За окном занимался рассвет, в саду пели птицы, и сквозь неплотно задёрнутые шторы уже пробивался свет. Всё было хорошо — здесь, в моей комнате, где ещё хранилось ночное тепло и смятая подушка лежала рядом. Но я слышала крик, которому не могли помешать ни стены, ни расстояние между мирами. Он проходил сквозь меня, отдаваясь в каждой частичке тела: мой мир, тот, который я строила своими руками, стонал и молил о помощи.

Вскочив с кровати, набросила первое попавшееся платье, даже не завязав шнуровку, и пошарила под подушкой. Пальцы сомкнулись на якоре, который мгновенно нагрелся и запульсировал в ладони, как живое сердце. Его биение не совпадало с моим: сбивалось, замирало на мучительно долгий миг и возобновлялось прежде, чем я успевала вдохнуть. Крепче сжав якорь, закрыла глаза, представила свой мир и шагнула в пропасть.

Искать дорогу не пришлось — поток несчастья вёл сам, как нить Ариадны, только чёрная и колючая. Обычно я тянулась к знакомому берегу, вспоминая шум воды и серебряную траву под ногами, но сейчас боль заглушала всё, и оставалось лишь идти по ней, чувствуя, как с каждым мгновением туже стягивается грудь. Там ждала опасность, уже добравшаяся до моих созданий, пока их создательница спокойно спала в своей постели. От этой мысли хотелось торопиться ещё сильнее, хотя переход и без того вытягивал из меня силы. Что я за демиург, если не готова отвечать за своё творение? Мир не должен был защищаться без меня.

Под босыми ступнями появилась земля, и прежде, чем удалось открыть глаза, в лицо ударил запах горелой листвы, серы и разлагающейся плоти. Я закашлялась, прикрыв рот ладонью, но вонь уже стояла в горле, сладковатая и липкая. На этом холме всегда пахло морем и цветами, которые раскрывались с первыми лучами звезды. Когда-то я долго подбирала их аромат, досадуя, что солёный ветер почти не оставляет ему места. Теперь сделала ещё один осторожный вдох, надеясь уловить хотя бы слабый отголосок прежнего запаха, и открыла глаза.

Вокруг больше не было моей красоты. Небо, которое я соткала из розовых закатов и золотых прожилок, стало пепельно-серым, тяжёлым, будто свинцовая крышка. Сквозь него едва пробивался тусклый, болезненно-жёлтый свет — звезда умирала.

Деревья, мои любимые деревья с перламутровой корой и листьями-самоцветами, стояли обугленными, почерневшими. Их ветви безжизненно тянулись к небу, как руки мёртвых великанов. Земля под ногами больше не звенела — она хрустела пеплом. Серебряная трава, которая пела на ветру, почернела и рассыпалась в труху от одного моего прикосновения.

Я подняла голову. Тишина. Ни ветра, ни пения листьев, ни криков морских птиц. Только тяжёлое бульканье внизу. Я шагнула к краю холма и посмотрела вниз.

Фиолетовый океан исчез. На его месте бурлила грязно-коричневая жижа, над которой поднимался густой зловонный пар. Сквозь него проступали тела моих китов — тускло-серые, с тёмными пятнами на некогда переливавшейся коже. Они лежали на спине, выставив к мертвенному небу белые брюха, и тяжело покачивались на волнах, как куски рыбы в наваристом супе. От этого сходства к горлу подступила тошнота. Ещё недавно каждый из них мог одним ударом хвоста поднять целую стену брызг, а теперь кипящая вода лениво ворочала их, сталкивая боками.

Одного я узнала по узору на хвосте — Ариэль, моя любимица, которая выпрыгивала выше всех и кружилась в фонтанах брызг. Сейчас её огромный глаз был открыт и смотрел в пустоту. Она не видела меня. Она вообще ничего больше не видела.

Я упала на колени в пепел. Мои пальцы сжали якорь так сильно, что он впился в ладонь. Где ты? — прошипела я в пустоту. — Покажись мне. Я хочу знать, кто убил мой мир.

Я поднялась с колен, решительно отряхнула пепел и слёзы, которые всё ещё катились по щекам, оставляя на них мокрые дорожки. Слёзы — признак слабости. Надо собраться и встретить врага, если он всё ещё здесь. Собрав остатки достоинства, я сделала глубокий вдох — и закашлявшись от горького воздуха, начала спускаться с холма, решив направиться к маяку.

Далеко ходить не пришлось... Не успела я ступить на песок, как замерла.

Он лежал прямо на берегу, там, где чёрный пепел встречался с кипящей водой. Огромная туша, такая большая, что казалась частью самого утёса. Я сразу поняла — это он! Виновник. Разрушитель.

Но он не двигался.

Я приблизилась медленно, на каждом шагу ожидая подвоха. Песок под ногами был горячим, почти обжигающим, и шипел, когда на него накатывали волны бурлящего океана. Я остановилась в нескольких шагах от него. Только тогда я смогла разглядеть его как следует.

Он был огромен. Его тело покрывала чёрная, переливающаяся чешуя, которая в тусклом свете мёртвого неба отливала тёмным багрянцем, как запёкшаяся кровь. Вдоль хребта тянулись шипы — сломанные, словно кто-то бил его со всей силы. Огромные крылья были распластаны по песку, одно из них было вывернуто под неестественным углом. Из-под него сочилась тёмная, густая жидкость, похожая на смолу, и впитывалась в чёрный песок. Складывалось ощущение, что его пропустили через огромные жернова.

Я смотрела на его лицо — если это можно было назвать лицом. Острые, хищные черты, закрытые глаза с тяжёлыми веками, на которых лежала пепельная пыль. Его грудь не поднималась.

Но я чувствовала его. Даже сквозь запах горелой листвы и гнилой воды до меня доносился резкий, удушливый запах серы. Он шёл от него — от этой огромной чёрной туши, от каждой чешуйки, от каждой раны. Пар тонкими струйками поднимался от его тела, завиваясь в воздухе, как призрачные змеи. Так пахнут демоны. Так пахнет разрушение и смерть.

Я стояла над ним, и ненависть захлёстывала меня с головой, топила, сжимала кулаки, и ногти больно впивались в ладонь. Зубы скрипели, все мышцы тела дрожали от напряжения.

Он убил мой мир. Он убил моих китов. Он сжёг мои деревья и отравил мой океан. Он лежал здесь, беспомощный и слабый, и я могла сделать всё, что хотела.

Хотела добить его. Уничтожить. Стереть с лица земли, которую он осквернил своим присутствием.

Я хотела забить его рот песком, связать его чёрное тело ветвями обгоревших деревьев и забросить в океан — в тот самый океан, где плавали мои мёртвые киты. Пусть он тонет там, варится в кипятке. Пусть он захлебнётся той же водой, что убила моих созданий. Пусть он сгниёт на дне, пойдет на корм тому что еще осталось живо на дне.

Я подняла руки. Земля под моими ногами задрожала.

Песок зашевелился, потянулся к его тёмной фигуре тёплыми чёрными струями. Я направляла его волей, здесь всё подчинялось мне.

Я уже видела, как ветви обвивают его ноги, как поднимаются к груди, как песок ползёт к его лицу. Ещё мгновение — и он исчезнет, как исчез мой мир.

Но в тот самый момент, когда песок уже подбирался ко рту, он открыл один багровый глаз с вертикальным жёлтым зрачком и посмотрел прямо на меня. Руки невольно дрогнули, но опустить их я не смогла.

Багровый глаз тускло светился, словно уголёк под слоем пепла. В его взгляде не было ни страха, ни удивления — только усталость и глубокая обречённость. Он даже не попытался шевельнуться, хотя песок уже касался губ, а ветви стягивали тело. Казалось, сил оставалось лишь на то, чтобы смотреть, как я его убиваю.

Песок замер вокруг его лица, послушный моей воле. Достаточно было довести начатое до конца, и ещё мгновение назад я этого хотела. Теперь же стояла с поднятыми руками, пыта-

ясь понять, почему он не сопротивляется и отчего его покорность мешает мне сильнее, чем помешала бы ярость.

Он смотрел на меня, и за этой неподвижностью вдруг начала проступать боль. Может быть, ему стоило огромных усилий просто держать глаз открытым, пока я стояла над ним и выбирала, как его убить. От этой мысли шевельнулась ненавистная жалость, и я сжала зубы, злясь на себя за минутную слабость. Передо мной лежал демон, разрушитель, погубивший мой мир, а я искала в его взгляде причину пощадить его.

Достаточно было вспомнить Ариэль, чтобы снова захотелось стиснуть пальцы и заставить песок заполнить ему рот. Но руки дрогнули, а он продолжал смотреть с тихим, почти безразличным ожиданием, словно моё колебание только затягивало то, с чем он давно согласился. Казалось, если бы мог, то сам спросил бы: «Ну? Чего ты ждёшь?»

От этого взгляда ненависть вспыхнула с новой силой: даже сейчас, беспомощный, с песком у самого рта, он словно оставлял мне роль палача, которому не хватало решимости закончить работу. Но вместе со злостью появилось холодное, цепкое любопытство. Почему он не пытается защититься? Не осталось сил или ему и в самом деле всё равно, умрёт он сейчас или через несколько минут? Мне вдруг захотелось услышать его ответ, а не гадать потом, что скрывалось за этим неподвижным взглядом.

Я медленно опустила руки, всё ещё злясь на себя за промедление. Песок заструился по его чешуе и осел вокруг тела, освобождая шею и грудь.

— Ты… — начала я, но голос сорвался, и пришлось сглотнуть, чтобы продолжить.

Он по-прежнему смотрел на меня. На мгновение выражение его глаза изменилось, и я не поняла, что это было: насмешка над моей нерешительностью или сожаление. Захотелось потребовать, чтобы он объяснился, но от одной мысли, что придётся выслушивать оправдания среди этого пепелища, снова подступила злость.

— Ты уничтожил мой мир, — произнесла я тише, стараясь справиться с голосом. — И ответишь за это, если выживешь.

Демон с трудом приподнял голову. По шее прошла дрожь, из-под повреждённого крыла потекла тёмная жидкость, а запах серы стал таким резким, что пришлось отвернуть лицо. Когда я снова посмотрела на него, его губы шевельнулись. Невольно подалась ближе, ожидая слов, но услышала только хриплый выдох.

Несколько мгновений ещё ждала, злясь на себя за это ожидание. В конце концов, мне нечего было ему сказать, кроме обвинений, а ему, похоже, нечем было ответить.

Сжав якорь, я отступила. Его край надавил на порез в ладони, и эта простая, понятная боль немного привела меня в чувство.

— Я буду следить за тобой, — сказала уже отворачиваясь.

За спиной глухо зашуршал песок. Я оглянулась: демон уронил голову, и багровый глаз скрылся под тяжёлым веком. Теперь можно было уйти, не чувствуя на себе его взгляда, но до самой тропы я прислушивалась, не попытается ли он всё-таки заговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.